

Следы советского в индивидуальном дискурсе Э. Росселя

Речь отдельного политика может рассматриваться как индивидуальный дискурс, границы которого соотнесены с рамками коммуникативной ситуации. В нашем случае мы подвергаем анализу текст, расшифрованной записи телепрограммы «Час губернатора» от 03.02.2007 года, которая была посвящена итогам 2006 года. Эта программа представляет собой способ опосредованного общения губернатора Свердловской области с жителями области. С одной стороны, такое общение имеет частично подготовленный характер для журналиста, поскольку ведущий задает вопросы губернатору из заранее отобранных писем жителей области, а также отдельные тематические блоки в речи губернатора сопровождаются видеорядом или предваряются видеосюжетами, подготовленными журналистами или пресс-службой. С другой стороны, для губернатора общение носит отчасти спонтанный характер, поскольку губернатор говорит «не по бумажке», и при расшифровке очевидны структурные особенности устной речи: разорванные синтаксические конструкции, самоперебивы, более свободный порядок слов и т.д. Нам важен именно аспект устной речи, которая характеризуется автоматизмом, машинальным воспроизведением отдельных речевых отрезков, представляющих собой общие места, речевые клише, употребляющиеся или употреблявшиеся в разных дискурсах [см. также: Брагина 2005, Силантьев 2006]. Нашей задачей будет обнаружить такие следы советского официального дискурса в речи губернатора Свердловской области Э.Э. Росселя. Заметим, что Э. Россель не принадлежит поколению советских политиков, его активная политическая деятельность началась на рубеже 80-90-х годов, и сегодня как действующий политик он включен в

демократический политический дискурс, но при этом, как показывает анализ, в его речи воспроизводятся некоторые советские речевые практики.

Прежде всего отметим, что на присутствие следа советского указывают отдельные слова *соцкультбыт*, клишированные словосочетания *техническое перевооружение*, имеющие культурную коннотацию советской эпохи. Культурная коннотация этих речевых единиц обуславливает узнавание культурного фона прошлого. Например, во фрагменте речи *от объема инвестиций зависит объёмы строительства промышленных предприятий / объёмы строительства жилья / соцкультбыта* // советизм «соцкультбыт» [Мокиенко, Никитина 1998: 572] употребляется в нейтральном контексте. Речь губернатора небогата средствами выразительности, в связи с этим особо выделяются военные метафоры, имеющие отсылку к советскому времени: *техническое перевооружение, темпы технического перевооружения*. Отголоски советской культуры опознаются в клишированных словосочетаниях, характерных для советского официального дискурса 30-х и послевоенных годов: *начинает подниматься отрасль машиностроения*.

Помимо культурно-маркированных лексических единиц, к следам советской эпохи имеет отношение проявление базовых категорий культуры в индивидуальном дискурсе Росселя. Категории культуры это – некоторая сетка координат, наложенная на живую, пульсирующую и изменяющуюся действительность [Гуревич 1982: 7]. Мы обратимся только к проявлению категории времени в индивидуальном дискурсе, но это не исключает проявления и других категорий советской культуры в речи губернатора.

Глубокое исследование воздействия советской идеологии на язык было проведено Н.А. Купиной в монографии «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции». Анализируя главный словарь советского времени, Н.А. Купина говорит об организации темпоральной категории в сверткесте идеологем: «В целом движение времени в сверткесте идеологем есть движение однонаправленное – движение к коммунистическому будущему.

Такая организация времени способствует формированию характерного для тоталитаризма «тоннельного» мышления» [Купина 1995: 60].

Показательно, что в речи губернатора время имеет векторный характер и подчиняется некоторому внешне заданному предписанию. В речи фиксируется подчиненность результатов достижений заранее выработанному плану: *мы стабильно выполняем те задачи / которые у нас прописаны в программе до две тысячи пятнадцатого года /*.

Главным организующим началом речи политика является воспроизведение мифа об успехах и достижениях [Купина 1995]. Говорится только о положительных результатах, о выросших показателях в разных сферах промышленности и строительства: *индекс роста / значит / внутрива'ловой продукции составил сто восемь процентов к двум тысячи пятому году // если говорить индекс физических объёмов / это сто шесть и девять / это / я посмотрел уже / показатели по России / это выше вообще российских показателей // наряду с хорошо работающей металлургией начинает подниматься / очевидно подниматься / отрасль машиностроения // рост дан сто тридцать три и семь десятых процента // такой же рост по электрооборудованию / электронному оборудованию / рост хороший дан и по развитию промышленности роспромстройматериалов / это практически / по стройинду'стрии сто семь процентов рост. Все показатели обильно сдобрены статистическими данными, которые передают смысл достоверности достигнутых результатов. По словам губернатора, в Свердловской области нет показателей, которые бы снизились по сравнению с предыдущим годом. План развития Свердловской области согласуется и с планом страны, точнее, с заданием Президента РФ: *мы выполняем задание Президента / работаем над выполнением задания Президента увеличить к десятому году область / мощность области / в два раза / это минимально // а в лучшем случае мы стараемся сделать в два и два десятых раза //*. В соответствии с советской традицией «пятилетку – за четыре года», время убыстряется, подчиняясь идеологическому предписанию. Мы рассматриваем*

миф об успехах и достижениях как миф советской культуры, но, возможно, этот миф имеет и более глубокие корни.

Следом советского дискурса являются речевые сигналы, свидетельствующие о неуклонном движении вперед, об однонаправленном целеустремленном движении к лучшему: *мы работали лучше / чем в две тысячи пятом году; это выше вообще российских показателей; международные рейтинговые агентства / нам снова повысили рейтинг нашей области / встали мы на следующую ступень выше; и в этом году / мы следующий рубеж берём* и др. Отметим, что в речи Росселя отсутствует конечная точка движения. Идеологическая цель движения вперед остается незамещенной, цель «к лучшему» не конкретизируется.

Советский дискурс прорывается стремлением приписать временному промежутку историческое значение: *две тысячи седьмой год может быть историческим / мы одолеем первые десять миллиардов долларов / объёма внешней торговли*. Комичным выглядит то, что в этом случае речевая практика советской культуры воспроизводится применительно к малому пространственному объекту: масштаб «исторического» события ограничен Свердловской областью.

О чем же говорят эти следы советского? На наш взгляд, практики советской культуры, советского дискурса демонстрируют свою устойчивость, и их воспроизведение в современной речи мотивировано не только «шутливым переосмыслением» [Мокиенко, Никитина 1998: 7], но и механизмом культурно-языковой памяти, далеко не всегда осознаваемым.

Литература:

Брагина Н.Г. Социокультурные конструкты в языке. М., 2005.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1982.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь, 1995.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Толковый словарь языка Совдепии. СПб, 1998.

Силантьев И.В. Газета и роман: риторика дискурсных смешений. М., 2006 .